

ГЕРЦЕН — Л. БАМБЕРГЕРУ:

Публикация И. А. Желваковой

С немецким публицистом и политическим эмигрантом, участником революции 1848 г. Людвигом Бамбергером (1823—1899) Герцен познакомился летом 1849 г. в Женеве. Бамбергер произвел на него впечатление человека с большой эрудицией и деятельным умом (XXIV, 42), и он вскоре привлек его к сотрудничеству в газете «Voix du Peuple», издававшейся П. Ж. Прудоном при участии Герцена, который мечтал превратить ее в орган европейского революционного движения (см. об этом ниже, в статье Л. Р. Ланского «Герцен и Франция»).

В своих воспоминаниях Бамбергер охарактеризовал Герцена как «чрезвычайно дружелюбного, веселого и любезного человека». «Беседовать с Герценом, неистощимым в мысли и юморе, было просто наслаждением» (Л V, 297).

Надежды, возлагавшиеся Герценом на интенсивную совместную работу с Бамбергером, однако, не оправдались; желание видеть в нем единомышленника не имело под собой достаточной почвы. Бамбергер уже и в это время занимал весьма умеренную политическую позицию, приведшую его в дальнейшем в лагерь крупной буржуазии. Как финансист он впоследствии пользовался большим авторитетом и влиянием в международных банковских кругах.

В начале 1850-х годов, в пору особого расположения Герцена к молодому и талантливому публицисту, между ними установилась дружеская переписка, о характере которой раньше можно было судить лишь по косвенным упоминаниям в письмах Герцена к другим адресатам. Так, известно было, что первым толчком к написанию статьи «Omnia mea mecum porto», вошедшей в книгу «С того берега», была одна реплика Бамбергера в его несохранившемся письме к Герцену (см. XXIV, 42). Об этой статье, вызвавшей благожелательный отзыв Бамбергера, и идет речь в публикуемом ниже письме.

Письмо это написано в трудное для Герцена время, когда, покинув охваченную безудержной реакцией Францию, он в нищевой «мирной обители» мучительно осмысливал трагические последствия недавних революционных событий. Его идейные искания, сомнения, колебания отозвались, как известно, в ряде его работ, и прежде всего в книге «С того берега».

Герцен, однако, не склонен был соглашаться с теми, кто рассматривал его книгу, и в частности статью «Omnia mea mecum porto», как проповедь общественной пассивности. В этом единственном сохранившемся письме к Бамбергеру, так же как и в письме к Дж. Маццини, сходном по теме и настроению (XXIV, 139—143), Герцен отделял подлинную революционность от мнимой, отмежевываясь от «неполных революционеров» и утверждал свое право называться истинным деятелем революции.

Дружеский тон письма к Бамбергеру свидетельствует о довольно близких, приятельских отношениях обоих корреспондентов. Эти отношения продолжались и в течение следующих двух десятилетий, до смерти Герцена, называвшего Бамбергера своей «немецкой правой рукой» (XXX, 178) — конечно, не в революционно-политической деятельности, а в вопросах, касающихся личных и финансовых дел. Нельзя не отметить при этом, что в последние годы Герцен был неприятно поражен поправлением «бисмаркующего» Бамбергера (XXIX, 306).

Письмо печатается по ксерокопии ГЛМ (ф. 22, РНВ, 2311/1). Русский неточный перевод опубликован В. Поповым в журнале «Огонек», 1970, № 4, с. 5. На языке оригинала публикуется впервые. Судя по тому, что автограф письма сохранился в семейном архиве Герцена, оно, вероятно, осталось неотсланным.

10 octobre 1850. Nice

Aujourd'hui, cher Bamberger, je me suis reveillé avec cette pensée consolante que «l'homme est pourtant une grande canaille», et, comme corollaire obligé, j'ai ajouté le *homo sum et nihil humani a me alienum puto*¹. Comment suis-je parvenu à force de fainéantise de ne plus trouver un instant pour donner un signe de vie à mes amis? Lorsque j'avais une affaire, je paraissais avec mes lettres comme un humble solliciteur, je prenais le papier le plus blanc, l'enveloppe qui enveloppait le plus et je remettais ma lettre trois heures avant le départ de la poste, ce qui était plus respectueux qu'utile...

Oui, l'homme est une canaille et si je n'insiste pas trop sur cette appréciation de ma personne, c'est que je n'ose pas trop encanailler un homme qui vous compte au

ЛЮДВИГ БАМБЕРГЕР

Портрет работы Г. Рикара (масло)

Из книги: Ludwig Bamberger. Bismarcks grosses Spiel.
Frankfurt am Main, 1932

nombre de ses amis; je me pardonne, pour vous...

J'ai lu, il y a deux mois, les quelques lignes que vous avez écrit dans la revue de Kolatschek concernant ma brochure ². C'est tellement favorable, que j'avais quelque peine pour trouver quelque chose à dire, outre les remerciements. Vous dites: «Et regardons ce que c'est que l'auteur, il est révolutionnaire, comme nous tous, donc le *desperatio* n'est que sur parole» etc. Vous avez raison. Mais c'est en cela que consiste tout le côté tragique de notre position, au fond nous ne pouvons plus nous détacher de ce cadavre du <vieux> monde. *Wir müssen mitmachen* — c'est une inconséquence, mais une inconséquence historique, c'est notre anathème. La génération suivante pour laquelle notre scepticisme ne sera autre chose qu'une prémisse pourra peut-être se détourner en réalité de ce monde en putrification; pour nous, nous aurons le rôle d'un mari qui méprise sa femme, mais qui est lié avec elle par une vie dépensée ensemble, par les souvenirs, par une *Naturgewalt* — et le public qui juge sur les apparences a le droit de dire que le ménage va encore passablement bien.

Rien de nouveau. La vie que nous menons ici est la plus tranquille comme aux bords de l'Océan pacifique; le climat est délicieux; jusqu'à présent il y a assez de tolérance et de liberté. — Le consul russe m'a notifié l'ordre de S<a>M<a>jesté de rentrer immédiatement. J'ai refusé ³. Probablement on fera des avanies. En cas — au reste, je ne le suppose même pas — qu'on voudra me faire quitter le Piémont — j'irais à Londres, pas avant. Je pourrais rester encore deux-trois années dans cet air embaumé et près de cette mer magnifique.

Adieu, je vous embrasse bien amicalement, écrivez-moi. J'ai entendu que Hartmann ⁴ est à Paris et qu'il fait la cour à m-me Dagoult, jeune personne de 60 ans, connue dans la littérature sous le nom sidéral de Daniel Stern, ce qui fait toujours penser à la caverne du lion et au lion de la littérature anglaise ⁵.

Vous aviez quelques espérances de venir voir les bords de la Méditerranée. — Nous sommes tout prêt à vous recevoir les bras ouverts et les bouteilles débouchées...

Encore une fois adieu. Herwegh vous salue, il est enfin ici, avec femme et enfants; ma femme et Sacha vous envoient mille et mille choses.

Alexandre H e r < z e n >

Pour l'anniversaire de 25 ans du règne de Nicolas je lui prépare «ein doucet» que probablement paraîtra chez Kolatschek ⁶.

Et Ruge — quel rugissement il a fait entendre au nom de la Providence, le rédacteur de la feuille à thé de Halle ⁷.

На конверте:

Londres (Angleterre), messieurs Bishopsheim, Goldsmith et Avigdor. Pour monsieur Bamberger.

Перевод:

10 октября 1850 г. Ницца

Сегодня, любезный Бамбергер, я проснулся со следующей утешительной мыслью, — что «человек все же большая каналья», и как неизбежный вывод я добавил: «Homo sum et nihil humani a me alienum puto»¹. Как дошел я до того, что вследствие праздности не смог найти и минуты, дабы подать признак жизни своим друзьям? Когда у меня бывало дело, я являлся со своими письмами, словно смиренный проситель; брал самую белую бумагу, самый вместительный конверт и сдавал свое письмо за три часа до отправления почты — что было более почтительно, нежели полезно...

Да, человек — каналья, и если я не слишком настаиваю на этом определении своей особы, то только потому, что не смею чрезмерно поносить человека, который числит вас среди своих друзей; прощаю себе ради вас...

Я прочел два месяца тому назад несколько строк, написанных вами в журнале Колачека по поводу моей брошюры². Это так благожелательно, что мне трудно было найти, что бы такое, кроме благодарностей, высказать. Вы говорите: «Но посмотрим же, что представляет собой автор, он революционер, как все мы; значит, это desperatio * только на словах» и т. д. Вы правы. Но в этом-то и заключается трагическая сторона нашего положения; по существу, мы уже не можем более оторваться от трупа «старого?» мира. Wir müssen mitmachen ** — это непоследовательность, но непоследовательность историческая, это наше проклятье. Следующее поколение, для которого наш скептицизм станет лишь посылкой силлогизма, быть может, действительно сможет отвернуться от этого загнивающего мира; что же до нас, то нам останется роль мужа, который презирает свою жену, но связан с ней совместной и впустую растраченной жизнью, воспоминаниями, Naturgewalt'ом***, — и публика, которая судит по наружности, имеет право сказать, что этот семейный союз еще достаточно сносен.

Нового ничего. Жизнь, которую мы здесь ведем, — самая спокойная, как на берегах Тихого океана; климат восхитительный; до сих пор еще достаточно терпимости и свободы. — Русский консул сообщил мне о повелении е(го) в(еличества) немедленно возвратиться. Я отказался³. Вероятно, станут делать гадости. В случае — впрочем, я этого и не допускаю, — если меня захотят принудить покинуть Пьемонт, то я отправлюсь в Лондон, однако не дальше. Я смог бы пробыть еще года два-три на этом благоуханном воздухе и возле этого великолепного моря.

Прощайте, самым дружеским образом обнимаю вас, пишите мне. Я слышал, что Гартман⁴ в Париже и что он влюбится за г-жой д'Агу, юной особой 60-ти лет, известной в литературе под звездным именем Даниеля Стерна, и это неизменно заставляет думать о лавиной пещере и о льве английской литературы⁵.

Вы питали некоторые надежды приехать, чтоб увидеть берега Средиземного моря. — Мы все готовы принять вас с распростертыми объятиями и с откупоренными бутылками...

Еще раз прощайте. Гервер приветствует вас, он наконец здесь, с женой и детьми; моя жена и Саша шлют вам тысячи добрых пожеланий.

Александр Герцен

К 25-летию царствования Николая я ему готовлю ein doucet****, которое, вероятно, появится у Колачека⁶.

А Руге — какое рычание издал он во имя Провидения, он, редактор листка «к чаю»***** в Галле⁷.

На конверте:

Лондон (Англия), господам Бишопсгейму, Гольдсмиту и Авигдору. Для господина Бамбергера.

¹ «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» — латинское выражение, ставшее крылатым. Восходит к комедии Теренция (ок. 185—159 н. э.). «Самостоятельный».

² Корреспонденция Бамбергера из Лондона по поводу «Omnia mea mecum porto» была напечатана анонимно в № 7 журнала «Deutsche Monatsschrift...», 1850. Ее перевод напечатан в

* отчаяние (лат.).

** Мы должны принимать участие (нем.).

*** природным влечением (нем.).

**** подарочек (нем. и франц.).

***** Каламбуры. Фамилия Руге и начало французского слова rugissement («рычание») пишутся схоже. Слова à thé («к чаю») произносятся так же, как слово athée («атеистический»), которое Герцен здесь иронически подчеркивает. — Ред.

«Вестнике Европы», 1914, № 4, с. 143—144; ср.: G. Z i e g e n g e i s t. Herzen und Kolatschek («Zeitschrift für Slawistik», 1957, Bd. II, H. 3, S. 374).

³ Русский консул в Ницце Александр Иванович *Григ*. См. об этом эпизоде в «Былом и думах» (X, 156—159).

⁴ О М. Гартмане см. в предыдущей публикации.

⁵ Герцен иронизирует над графиней Мари Катрин д'Агу, французской писательницей, гражданской женой Ф. Листа и матерью его детей (в это время ей было 45 лет). Ее псевдоним *Даниель Стерн* вызывает у Герцена ассоциации с пророком Даниилом из Библии, брошенным в ров на растерзание львам; der Stern по-немецки — «звезда»; Лоренц Стерн (Stern) — классик английской литературы, автор «Сентиментального путешествия».

⁶ Немецкий перевод сочинения Герцена «О развитии революционных идей в России» начал печататься в журнале Колачека «Deutsche Monatsschrift...» с января 1851 г. К первой главе его было сделано примечание: «Эта и следующие статьи на ту же тему должны были появиться к 25-летию юбилею царствования Николая I; случайные обстоятельства задержали их появление» (см. *ЛЖГ* II, 10).

⁷ Герцен намекает на идейную эволюцию Арнольда *Руге* (1802—1880), одного из вожakov немецкой буржуазно-радикальной эмиграции. В 1850 г. Руге вошел от Германии в Центральный европейский демократический комитет (см. X, 152—154). Им написано было воззвание к «народам Европы», говорившее, по словам Герцена, «во имя бога и божественного провидения» (XXIV, 142). Подобные заявления автора известных атеистических статей в органе младотетельянцев «Hallische Jahrbücher» не могли не возмущать Герцена. Об отношении Герцена к Руге см. в «Былом и думах» (XI, 151—152). *Галле* — город вблизи Лейпцига.

ПЕРЕПИСКА С Г. КИНКЕЛЕМ

Публикация В. Н. Поспеловой*

Готфрид *Кинкель* (1815—1882) — немецкий профессор, историк искусств, поэт и публицист, участник революции 1848—1849 гг. в Германии. В начале 1850-х годов, когда Герцен познакомился с ним в Лондоне, Кинкель претендовал на лидирующую роль среди немецких мелкобуржуазных демократов, эмигрировавших за границу после поражения революции.

К. Маркс и Ф. Энгельс в своих письмах и в памфлете «Великие мужи эмиграции» (при жизни их не опубликованном) критиковали Кинкеля за его псевдореволюционные и авантюристические затеи.

В первые месяцы своего пребывания в Лондоне Герцен часто виделся с Кинкелем. Посещал он и его лекции в Лондонском университете. В Кинкеле он ценил весьма эрудированного человека, но от него не укрылись доктринерские замашки его нового знакомого, так же как его самовлюбленность и претенциозность. По мнению Герцена, Кинкель был не особенно умен (он как-то назвал его «ослом с головой Юпитера» — XXVI, 250). В «Былом и думах» дан психологически верный и убедительный, несмотря на некоторую гротесковость, портрет Кинкеля. Упоминания о нем мы находим и в ряде писем Герцена к Мальвиге Мейзенбург (близкому другу Кинкеля и его жены Иоганны). В своих «Воспоминаниях идеалистки» она уделила Кинкелю немало места.

Серьезные политические разногласия между Герценом и Кинкелем начали выявляться еще в 1850-х годах, в связи с польским вопросом, а к концу 1860-х годов между ними установилось уже полное отчуждение. К этому времени Кинкель превратился в откровенного сторонника политики Бисмарка; он полностью принял сторону польских националистов, выступавших против Герцена и Огарева с клеветническими нападками.

Вопрос об отношениях издателей «Kolokol» с польской эмиграцией обсуждался при встрече Герцена с Кинкелем в июле 1868 г. Герцен вновь убедился тогда, что профессор-доктринер не понял существа их разногласий. 31 июля он направил Кинкелю две свои статьи, ранее опубликованные в «Kolokol» и доказывавшие, что главной целью деятельности издателей газеты было освобождение русского народа и в то же время поддержка борьбы поляков за независимость.

Об отношениях Герцена и Кинкеля см. во вступительной заметке И. Белявской к письму Герцена от 31 июля 1868 г., адресованному Кинкелю («Лит. наследство», т. 61, с. 281—283). Это было единственное из его известных тогда писем, если не считать фрагмента письма от 27 августа 1868 г., адресатом которого был ошибочно назван К. Э. Хоецкий. (Письмо это, впервые опубликованное И. Белявской в «Лит. наследство», т. 61, с. 280 по автографу «пражской коллекции», с небольшими вариантами и неверной годовой датой: 1867 и в таком виде введенное в Собрание

* В подготовке немецких текстов участвовал С. В. Пчелин.